

Р. С. Рузаева, Фонетика юго-восточного диалекта мокша-мордовского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1975.

14 марта 1975 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации аспиранткой Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева Р. С. Рузаевой на тему «Фонетика юго-восточного диалекта мокша-мордовского языка». Официальными оппонентами выступили академик АН ЭССР доктор филологических наук профессор П. Аристе (Тарту) и кандидат филологических наук А. П. Феоктистов (Москва).

Актуальность темы обуславливают не только фактически полная неизученность самого объекта диалектологического описания (т. е. юго-восточного диалекта мокшанского языка), но и особенности проблем фонологии современных мордовских языков. Следует подчеркнуть, что сужение границ объекта исследования обеспечило более глубокое и детальное рассмотрение самых разнообразных вопросов мордовской фонетики.

Работа Р. С. Рузаевой состоит из введения, трех глав и двух приложений. Диссертация снабжена библиографией и выводами.

Введение содержит обоснование темы исследования, необходимые историко-этнографические сведения о носителях юго-восточного диалекта, о системе транскрипции, условных обозначениях и т. д. Этот небольшой раздел завершается «Картой юго-восточного диалекта мокша-мордовского языка».

Глава первая (стр. 12—103) посвящена подробнейшему рассмотрению консонантизма. Здесь, в частности, устанавливаются дифференциальные признаки каждого согласного, определяется во всех деталях дистрибуция групп консонантов в начале, середине и конце слова. К основным итогам исследования в этой главе относятся: выявление и характеристика специфического консонантного образования *ш'*, корреспондирующего с этимологически родственным глухим *Й* (в орфографии: *йх*) других мокшанских диалектов; вывод о том, что способ и место образования, звонкость и глухость, мягкость—твердость согласных являются в

рассматриваемом диалекте дифференциальными; констатация преобладания в анлауте незвонких согласных; установление типичного начала слова (сочетание согласного с гласным). Автор указывает, что первым компонентом редких двух- или трехчленных сочетаний согласных в анлауте выступают чаще всего *к, п, т, т', с, ё*, вторым же компонентом — *р*. Р. С. Рузаева отмечает разнообразие мотивированных сочетаний согласных в инлауте — от двух- до шестикомпонентных (из них по месту образования компонентов наиболее распространенными являются сочетания: язычный + язычный, язычный + губной, губной + язычный, по способу же образования компонентов первый член обычно фрикативный, второй — смычный); такое же разнообразие консонантных сочетаний свойственно и исходу слова в отличие от его начала (причем основная масса этих сочетаний представляет собой мотивированные комбинации звуков с абсолютным преобладанием в них глухих — в возможном сочетании с сонорными).

Во второй главе анализируются вопросы вокализма. Здесь дается детальная характеристика гласных фонем, устанавливаются дифференциальные признаки каждого гласного, проводятся тщательные наблюдения над дистрибуцией гласных в начале, середине и абсолютном конце слова. По справедливому мнению автора, отсутствие широкого переднерядного гласного *ä* — самый отличительный признак юго-восточного диалекта на рассматриваемом уровне в системе диалектов мокша-мордовского языка. В этой главе при установлении дистрибуции гласных первый слог правильно противопоставляется непервым. В результате анализа огромного фактического материала автор пришла к верному выводу о неупотреблении фонемы *о* в первом слоге между двумя палатализованными парными согласными, а также, что не менее существенно для данного диалекта, в безударной позиции в исконно мордовских словах; констатируется неупотребление фонемы *а* между палатализованными парными согласными, между двумя *й*,

между парным палатализованным согласным и *й*. Наблюдения Р. С. Рузаевой свидетельствуют о том, что фонема *у* в середине слова выступает, как правило, в составе грамматической морфемы, в абсолютном конце слова также встречается в основном лишь в производных образованиях, в направительных формах в качестве грамматического форманта; такая же ограниченность свойственна, по мнению автора, и употреблению в исходе слова фонемы *и*. В работе констатируется употребление в исходе непроемных слов лишь гласных *а, е, э* (остальные гласные в исходе слова могут выступать лишь в пределах грамматических формантов).

Третья глава посвящена характеристике звуковых законов, действующих в юго-восточном диалекте мошканского языка. Правоммерно подчеркивается, что «фонологическая классификация не дает полного представления о звуковом строе ... диалекта ...». При изучении диалектов важно не только выявление фонемных единиц, но и всех звуков, в которых воплощаются фонемы, ибо ... всякое изменение в фонетическом строе языка начинается с малозаметных звуковых изменений, происходящих в живой речи» (стр. 138—139). В главе подробно рассмотрены такие фонетические процессы, как аккомодация, ассимиляция, аффрикатизация, метатеза, выпадение, вставка согласных. К комбинаторным фонетическим процессам в области вокализма отнесены чередование, вставка, выпадение и гармония гласных. Специальный раздел главы посвящен особенностям ударения, поскольку с ним, по справедливому замечанию автора, непосредственно связаны позиционные изменения гласных.

В выводах (стр. 167—171) дана объективная оценка основных итогов исследования по всем главам. Большинство заключений Р. С. Рузаевой в результате эмпирического изучения диалектного материала представляется на общемордовском фоне убедительным. Список использованной литературы составлен рационально.

В приложении № 1 приведен словарь диалектных слов (стр. 176—203), включающий около 800 единиц. Этот материал существенно дополняет диссертацию.

В приложении № 2 приведены образ-

цы диалектной речи — в фонетической транскрипции и в переводе на русский язык (стр. 204—271). Это приложение в еще более значительной мере расширяет наши представления об особенностях рассматриваемого мошканского диалекта.

Вместе с тем рецензент считает необходимым остановиться на ряде положений, которые представляются ему спорными или же недостаточно аргументированными.

Население рассматриваемого в диссертации диалектного ареала автор считает «в национальном отношении смешанным» (стр. 3). Этот вывод не согласуется с цифрами, приведенными в таблице (стр. 3—4).

На стр. 38 утверждается, что фонема *й* в начале слова употребляется перед гласными заднего ряда: *йа, йо, йу*, а перед *е* употребляется якобы лишь в заимствованных словах. Однако, как показывает фактический материал приложения № 2, *й* употребляется и перед гласным *е* исконных слов: *йешэл'ей* 'купается' (при *йшл'ай* других диалектов), *йешиг'и* 'в этот колодец' (при *йшиг'и* других диалектов), *йез'эм* 'скамья' (при *эз'эм* других диалектов), *йейэндас'т'* 'замерзли они' (при *эйэндас'т'*, *эйэнтас'т'* других диалектов) и т. д. Наличие *й* перед *е* в начале слова, по нашему глубокому убеждению, — одна из кардинальных особенностей юго-восточного диалекта, оставшаяся, к сожалению, вне поля зрения Р. С. Рузаевой.

По мнению автора, «сопородные *л', н', р'* употребляются перед гласными переднего ряда» (стр. 43). Но см. примеры употребления этих согласных и перед гласными заднего ряда в работе: *н'ава* 'вот' (стр. 188), *н'уд'и* 'тростник' (стр. 189), *л'аксандра* 'Александра' (стр. 186) и др.

Р. С. Рузаева считает, что в «интервокальном положении *б* не встречается» (стр. 48). В качестве исключения приведено какое-то явно ошибочно написанное слово: *калаб'а* 'колоб' (?!). См., однако, *лабардэмс* 'болтать', *л'ебама* 'детская игра', *л'эбардэмс* 'стремиться, хотеть' (стр. 186), *обаце* 'нрав' (стр. 189), *пелбэжн'е* 'недозревший фрукт' (стр. 191), *д'ибил'* 'глупый' (стр. 179) и др.

Категоричным представляется утверждение автора, что в середине слова

перед глухими согласными *т, п, ф, ш, х, ч* фонема *в* не встречается (стр. 51). См., однако, примеры употребления *в* перед *ф* и *ш*: *с'евфтэмс* 'заставить взять', *йавфтэмс* 'разделить', *йавш'эмс* 'сновать нитки, пряжу'.

Неправомерно много внимания уделено в работе употреблению согласных «в интервокальном положении». Следует все же иметь в виду, что в мордовских языках важнее для согласных их позиция перед гласными. Поэтому, например, заключение на стр. 56 о том, что «между гласными переднего ряда *т* не употребляется» следовало бы переформулировать: «Перед гласными переднего ряда *т* не употребляется».

На стр. 76 среди трехчленных сочетаний согласных в середине слова приведено *-киш'-* (*ацакш'эмс* 'стелить' и т. д.). Однако на стр. 150—151 утверждается, что в юго-восточном диалекте компонент *-н-* в этом сочетании выпадает: *йуваг'кишан* 'кричу' (вместо лит. *йуваг'киш'ан*) и т. д.

В отличие от автора рецензент в сочетании *-д'н'ч'н'-* (стр. 79) усматривает между первым и вторым компонентами наличие редуцированного гласного *э* (: *-дэ'н'чн'-*). Таким образом в приведенном комплексе можно вычленил лишь трех-, а не четырехкомпонентное сочетание согласных. Предложенная в диссертации транскрипция в этом случае передает звучание приведенных на указанной странице слов в западном диалекте мокшанского языка, где, действительно, *н'* после *д'* оказывается в вершине слога. Это же замечание относится к приведенному на стр. 81 «пятичленному» (?) сочетанию согласных *-днтфт-*. Здесь также после *-д-* употребляется редуцированный *э*: *-дэнтфт-*. Приведенное затем «пятичленное» сочетание согласных *-л'н'т'фт-* тоже является четырехчленным без первого компонента *л'*, который отсекается редуцированным *э*: *-л'энт'фт-*.

На стр. 83 автор считает, что, «в конце слов юго-восточного диалекта» не употребляется *б*. См., однако, примеры из диссертации: *клуб* 'клуб', *штаб* 'штаб', *сруб* 'сруб' (стр. 147).

В слове *комс* 'двадцать' Р. С. Рузаева постулирует «выпадение» гласного между *м* и *с*. Однако этимология этого числительного в уральских языках настолько запутана, что элементарные ут-

верждения о «выпадении» или «вставке» гласного элемента производят впечатлительные некомпетентного подхода к анализу сложных явлений языка.

Рецензируемая работа написана в синхронном плане, поэтому исторический экскурс по поводу фонемы *а* на стр. 109 представляется неуместным.

В качестве иллюстрации на стр. 120 приведено слово *утэр* 'навстречу'. До сих пор, однако, было известно, что это слово является принадлежностью лишь западного диалекта мокшанского языка. Точно также и слово *такийе* 'шапка', которое приведено в словаре (стр. 197), относится к лексике мокшанских говоров западного ареала. В юго-восточном диалекте употребляется *ваз'* 'шапка'.

На стр. 128—129 перечислены все или почти все возможные случаи употребления фонемы *и* (*ы*) между гласными разного качества. Однако известно, что на реализацию в потоке речи того или иного аллофона этой фонемы последующие согласные практически не оказывают прямого воздействия. При характеристике фонемы *и* (*ы*) важно иметь в виду ее позицию после согласных, а именно то, что ей предшествует в пределах слова, словоформы и т. д. В противном случае предложенные формулировки создают иллюзию, будто позиция перед согласным существенна для рассматриваемой гласной фонемы.

Автор не последователен в обозначении «мягкости» непарных согласных в позиции перед гласными переднего ряда. В работе несколько раз оговорено, что эта мягкость не является дифференциальным признаком и в диссертации отмечаться не будет. Однако как в примерах, так и в приложениях (словаре и текстах) этот действительно недифференциальный признак нашел отражение.

Немотивированным представляется вывод о том, что якобы «в юго-восточном диалекте мокша-мордовского языка аффрикатизация наблюдается в меньшей степени, чем в других диалектах» (стр. 143). Напротив, в рассматриваемом диалекте отдельные согласные в общем больше подвержены аффрикатизации. См. в приложениях к диссертации: *кар'д'з'и* 'скрипка' (в других диалектах *кар'з'и*), *кэрджа* 'мало' (*кэржа*), *вар'джаксц'* 'посмотрел он' (*варжаксц'*), *ир'д'з'ен'* 'эрьянский' (*эр'з'ан'*), *пан'джин'е* 'открыл я'

(пан'жин'е), ин'джат 'жуки' (ин'жат), равджа 'черный' (равжа), палманджа 'коленка' (палманжа) и т. п. Сюда относятся аффрикатизация согласных и в составе русских заимствований: н'ил'д'з'е 'нелъзя', гил'дза 'гильза' и т. д.

В разделе об «ассимиляции по мягкости-твердости» (стр. 148—149) совершенно не упоминается депалатализация согласных. Невнимание к этому фонетическому процессу отразилось и в транскрипции (см. стр. 56, 57, 60, 65, 68, 70, 78, 80, 95, 135, 136, 142 и др.). Депалатализация парных палатализованных обычно происходит в сочетаниях с препозитивными парными согласными типа -зт'- > -зт-, -рт'- > -рт-, -нц'- > -нц-, -сц'- > -сц-, -лц'- > -лс-, -рн'- > -рн-, -дн'- > -дн- и т. д.

Отсутствие н' в сочетании -кин'-нелъзя, по-видимому, трактовать как его «выпадение» в юго-восточном диалекте (стр. 150—151). Известно, что глагольный суффикс многократности действия -кин- в мордовских языках по происхождению является сложным (комбинированным). Не исключено, что юго-восточный вариант представляет собой продолжение исконого -ки-, не осложненного дополнительным элементом -н'-.

Никак нельзя объяснить озвончение начальных глухих согласных в заимствованных словах «психологическим факто-

ром, сознанием того, что если слово не свое, то в его начале должен быть звонкий звук» (стр. 152). Нет необходимости серьезно доказывать, что причины фонетических изменений необходимо искать не в экстралингвистических, а в первую очередь в интралингвистических факторах.

По нашему мнению, приведенные на стр. 157 диссертации примеры не свидетельствуют о «чередовании» а ~ а.

На стр. 159—160 автор ссылается на результаты осциллографического анализа фонетических явлений. К сожалению, этот весьма нужный материал эксперимента не включен в диссертацию.

В образцах речи приведен материал лишь двух населенных пунктов, причем из 26 транскрибированных текстов 20 записаны в поселке «Заря» и шесть — в селе Глушкове. Между тем в предисловии утверждается, что детально изучены говоры 12 населенных пунктов. Хотя бы в вводной части следовало дать минимум сведений о морфологии юго-восточного диалекта.

Изложенные замечания не снижают общего значения рецензируемой работы, которая является определенным вкладом в мордовское языкознание.

А. П. ФЕОКТИСТОВ (Москва)